

Регион: экономика и социология, 2011, № 2, с. 9–18

ВОЗМОЖНЫ ЛИ РАСПАД ИЛИ СЖАТИЕ РОССИИ?*

А.Г. Гранберг

Аннотация

Рассматриваются трансформационные тенденции и перспективы эволюции экономического пространства России. Сформулированы основные задачи стратегии пространственного (территориального) развития страны.

Ключевые слова: Россия, регион, территориальное развитие, тенденции, стратегии развития

Abstract

The paper considers trends and perspectives of spatial transformations taken place in the Russian economic space. The tasks of the strategic spatial development in Russia are formulated here.

Keywords: Russia, region, spatial development, trends, development strategies

Этот вопрос весьма популярен среди зарубежных и отечественных геополитиков, политологов и особенно у журналистов. Однако профессиональными экономистами он практически не обсуждается. Поэтому вначале постараемся подойти к данному вопросу с экономических позиций, опираясь на анализ трех тревожных тенденций в российском экономическом пространстве: дивергенции, дезинтеграции и демографического сжатия.

Первое. Каковы негативные последствия усилившейся межрегиональной социально-экономической дифференциации (дивергенции

* Статья написана в 2006 г.

регионов) для целостности и эффективности экономического пространства? Эти последствия ощутимы и имеют несколько аспектов.

При осуществлении государственной социально-экономической политики нарастают противоречия между развитыми (богатыми) и отстающими (бедными) регионами. Когда федеральный центр все более увеличивает поддержку отстающих регионов путем перераспределения бюджетных средств, это ущемляет интересы населения и бизнеса регионов-доноров. Отстающие же регионы, неудовлетворенные своим положением, усиливают свои претензии не только к государству, но и к более успешным регионам. Для России эта ситуация отягощается тем, что число отстающих регионов (субъектов Федерации) в 3–4 раза превышает число более-менее благополучных регионов. Соответственно, отстающие регионы имеют численное преимущество в представительных органах государственной власти (прежде всего в Совете Федерации). Экономические и политические дисбалансы между регионами становятся источником растущей напряженности в обществе.

Поскольку большинство наиболее отстающих регионов – приграничные, к тому же с этническими и конфессиональными отличиями, это создает для России дополнительные геополитические угрозы. Усиливающееся отставание группы регионов и тем самым снижение их конкурентоспособности в рыночном пространстве ослабляют мотивацию для межрегиональной кооперации, дают импульс дальнейшей дезинтеграции.

Отмеченные последствия дивергенции регионов (даже если она продолжается) сами по себе недостаточны для распада страны, но они ослабляют экономику и государство, увеличивая риски для целостности страны от воздействия других внутренних и внешних факторов.

Второе. Дезинтеграция экономического пространства, понимаемая как ослабление внутренней экономической связанности, создает определенные экономические предпосылки для распада страны. Но и здесь ситуация не фатальна.

Для нормально развивающейся рыночной экономики типично усиление интеграции, что подтверждается динамикой ЕС, АТР и других экономических союзов. Экономическая автаркия для регионов не-

выгодна, и Россия здесь не представляет исключения. Вопрос состоит в выборе партнеров по экономической кооперации: или внутри национального пространства, или за рубежом.

В России дезинтеграционные тенденции переходного периода, обусловленные внутренними факторами (ликвидация административного управления межрегиональными связями, изменения соотношений цен и транспортных тарифов, обвал спроса в крупных сегментах рынка и т.д.), в основном остановлены. Продолжение экономического роста, диверсификация отраслевой структуры экономики, потребности расширяющихся рынков и развитие транспортной инфраструктуры будут способствовать сплочению регионов.

Вместе с тем российские регионы все активнее втягиваются в мировые рынки. Внешнеэкономические связи развиваются быстрее межрегиональных. В целом это нормальный процесс, отвечающий закономерностям глобализации. Разумное внешнеэкономическое регулирование способно предотвращать перекосы в структуре национальной экономики при ее ускоренной интеграции в мировую экономику. Но для отдельных регионов могут возникать более сложные ситуации, связанные с защитой конкурентоспособности ключевых производств и рынков.

Особого внимания требуют периферийные регионы, испытывающие сильное экономическое притяжение соседних более развитых или интенсивно развивающихся стран (в первую очередь это относится к Калининградской области, северо-западным регионам и южной части Дальнего Востока). Указанные регионы обладают важным конкурентным преимуществом как форпосты национальной экономики в международной кооперации; эти преимущества усиливаются статусом особых экономических зон (как в Калининградской области). Возможность отрыва от национальной территории объективно не отвечает экономическим интересам данной группы российских регионов.

Третье. Вполне понятную тревогу вызывает сокращение численности населения в северных и восточных районах России в результате отрицательного естественного прироста и миграционного оттока. Не закончится ли это потерей Россией этих обширных пространств?

Следует сказать, что уже сейчас демографическая и экономическая ситуация на севере и востоке неоднородна. Отток населения был

связан в первую очередь с адаптацией к рыночным условиям и повороту государственной социальной политики (закрытие неконкурентоспособных производств, ликвидация многих северных льгот, переход к трудосберегающим технологиям), а также с более высоким спросом на рынках труда других регионов. Этот процесс длителен, но должен остановиться. В ряде северных регионов население растет с улучшением качества жизни (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа).

Начинается масштабное освоение минеральных ресурсов арктического побережья и морского шельфа. Все варианты стратегии России предусматривают ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Поэтому Россия заинтересована в сохранении своих малозаселенных окраин для экономической деятельности, обеспечения жизнедеятельности коренных народов и как территориально-го резерва для будущих поколений.

Резюмируя экономические размышления, делаю вывод, что со стороны экономики нет ближайших прямых угроз целостности страны. Однако хронические экономические болезни ослабляют ее иммунную систему, усиливая подверженность неэкономическим «инфекциям». Поэтому оздоровление экономики и повышение качества экономического пространства – главное средство для укрепления целостности страны.

Среди проблем будущего на первый план выходит выбор оптимальной стратегии взаимоотношений с Китаем – мирных и взаимоприемлемых.

Полагаю, что масштабной иммиграции китайского населения в восточные районы нашей страны избежать нереально. Лучше, чтобы она была легализована и регулировалась межгосударственными соглашениями. Идея создания «демографического щита» на границе с Китаем посредством миграционного притока из европейской части страны и СНГ несостоятельна «количественно», поскольку увеличение числа россиян в этом регионе в два-три и даже более раз (что пока маловероятно) ощутимо не изменит демографический диспаритет (сейчас на Дальнем Востоке проживает 7 млн чел., а в близлежащих китайских провинциях – примерно 100–150 млн чел.).

Надо готовиться к обживанию и экономическому освоению Дальнего Востока и Восточной Сибири совместно с китайским населением. Другого пути не видно. Об этом предупреждал А.С. Солженицын: «Невозможно представить, что перегруженная планета будет и дальше, и дальше спокойно терпеть запущенную неосвоенность российских пространств»¹. Разделяю это пророческое суждение.

Сценарии самораспада или управляемого расчленения России периодически преподносятся западными геополитиками и политологами или же просачиваются из материалов иностранных спецслужб.

Збигнев Бжезинский, бывший помощник Президента США по национальной безопасности, в своей известной книге «Великая шахматная доска» видит будущее России как «свободной конфедерации трех государств: европейской части России, Сибирской и Дальневосточной республик». Однако он считает, что более важная цель западного мира в отношении России – это не допустить возрождения «евразийской империи». В своей новой книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» он предсказывает, что Россия будет вынуждена уступить Дальний Восток Китаю, если не сплотится с «трансатлантической» Европой и не добьется от нее мощной поддержки. Более радикальные намерения якобы прописаны в докладе ЦРУ США, подготовленном в 2000 г.: расчленение России к 2015 г. на шесть-восемь государств. В этот ряд можно поставить статьи журналистов У. Мида и Дж. Эллиса, убеждающих американскую администрацию купить за 1–2 трлн долл. США Сибирь, а заодно и часть Дальнего Востока.

Как ни парадоксально, большую активность в изложении вариантов распада России периодически демонстрируют отечественные политики и журналисты. Причем эти описания настолько разнообразны и детальны, что предложения западных постсоветологов часто выглядят как компиляции из российских первоисточников².

Обратная сторона заостренности на теме распада – подозрительное отношение практически ко всем вариантам реформирования государственно-территориального устройства страны. Так, после образо-

¹ Солженицын А. Россия в обвале. – М.: Русский путь, 1998. – С. 47.

² Особого анализа заслуживает телепередача первого канала «Границы России в 2030 году» из цикла «Гордон 2030».

вания в 2000 г. семи федеральных округов появились статьи (даже в официальных изданиях), в которых писалось, что Россия может расколоться на семь частей как раз по границам федеральных округов. Хотя, на мой взгляд, гораздо больше оснований было считать, что федеральные округа во главе с полномочными представителями президента станут институтом усиления президентской власти, а с точки зрения экономических задач – формой региональной экономической интеграции. Столь же преувеличиваются опасения, что начавшееся укрупнение субъектов Российской Федерации (очень осторожное и неспешное) может спровоцировать новые сепаратистские тенденции теперь уже в новых усиливающихся регионах. При этом не придется значения ожидаемому эффекту от экономической интеграции объединяемых регионов.

Стоит обратить внимание на книгу ученых из американского Брукингского института К. Гэдди и Ф. Хилл «Сибирское проклятье: как коммунистические плановики заморозили Россию»³, вызвавшую многочисленные противоречивые отклики в нашей стране и за рубежом.

Научную основу книги составляет проведенное математико-статистическое исследование влияния холода (средней температуры января) на издержки производства и жизнедеятельности. При этом применялся индикатор «температура на душу населения» (ТНД). В результате обработки большого массива данных по многим регионам получен вывод: снижение ТНД на 1 °С приводит к уменьшению ВВП примерно на 1,2%. «Вклад» всех сибирских городов дает снижение ТНД на 2 °С, что эквивалентно уменьшению ВВП России примерно на 2,5% в год. При этом наибольший ущерб российской экономике наносят, по расчетам авторов, крупнейшие города южной Сибири – Новосибирск и Омск, а не Заполярье с экстремально низкими температурами, но малонаселенное.

Главной исторической ошибкой Российского государства, утверждают авторы, является обживание холодных территорий (прежде всего Сибири). Именно холод является важнейшим тормозом экономического развития России в XX–XXI вв. Этот вывод проти-

³ См.: **Gaddy C., Hill F.** The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out In the Cold. – Washington, D.C., 2003.

воположен известному пророчеству М.В. Ломоносова, что российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным Ледовитым океаном.

Можно долго спорить с авторами по многим вопросам. Начиная с того, что отнюдь не только «коммунистические плановики» виновны в освоении Сибири и Дальнего Востока. Их предшественниками были царское правительство, Витте и Столыпин, затеявшие строительство Транссиба, массовое переселение крестьянства, заселение периферийных территорий, прежде всего Сибири. А затем были не только индустриализация и ГУЛАГ, но и вынужденное создание в Сибири оборонного потенциала (и в годы Великой Отечественной войны, и во время холодной войны), затем – развитие мощнейшего нефтегазового комплекса, обеспечивающего теперь энергоснабжение Западной Европы, и т.д. Авторы неправы, полагая, что сейчас Сибирь живет за счет государственных дотаций и финансовых ресурсов, отбираемых у регионов европейской части страны. Наоборот, северные сибирские регионы являются главными финансовыми донорами, а работающие здесь крупные ресурсодобывающие корпорации наиболее успешны в российской рыночной экономике. Однако дискуссии по таким вопросам уведут нас далеко от обсуждаемой темы.

Какой же выход видят К. Гэдди и Ф. Хилл? Они предлагают «простое» решение: надо переселить сибиряков и дальневосточников в более теплые регионы. Примерно 16 млн чел. из 30 млн ныне там живущих! Не полагаясь на постепенную эмиграцию по собственному желанию, российское правительство должно выделять значительные средства на плановое переселение и применять здесь жесткие меры (по-видимому, о рыночном подходе можно уже не беспокоиться).

Если представить, что предлагаемая авторами программа начнет осуществляться, то что станет с созданной в Сибири мировой энергетической базой, как восполнить экономические потери от свертывания действующих производств и, самое главное, в чьих руках окажутся обезлюдненные территории?

З. Бжезинский высоко оценивает «Сибирское проклятье» в предисловии к книге. На первый взгляд, это странно. Ведь в своей последней монографии он обосновывает необходимость дальнейшего

освоения сибирских ресурсов⁴, а Гэдди и Хилл доказывают, что экономика Сибири неэффективна и антигуманна. Это кажущееся противоречие снимается при введении одного уточняющего условия: природные ресурсы Сибири должны осваиваться, но не сибиряками или заменяющими их российскими вахтовиками, а транснациональными компаниями.

А что же станет с южными частями Сибири и Дальнего Востока, где нет крупных месторождений нефти и газа и вообще меньше привлекательных возможностей для иностранного капитала? Авторы, разумеется, знают о потенциальной экспансии китайского населения на пустующие территории. Для сохранения российского суверенитета в Сибири и на Дальнем Востоке, очищенных от основной части россиян, они считают достаточным заключение Россией межгосударственных договоров с Китаем и США. И опять все просто и дешево: защищать пустые территории одними договорами. Дискуссия по книге Гэдди и Хилл, проведенная журналом «ЭКО», выявила единодушие сибиряков: «из Сибири мы никуда не уйдем»⁵.

В контексте обсуждаемых проблем экономического пространства России отмечу еще один момент. Критикуя экспансию Российского государства на север и восток, авторы делают общее утверждение: большое пространство – враг экономики или «простор для ошибок». Конечно, было бы интересно показать правильность такого взгляда применительно к Канаде, США и крупнейшим формирующимся экономическим союзам. Никогда не приходилось слышать о том, что их губят большие пространства. Да и в холодной Арктике немало государств сейчас стремятся увеличивать свои пространства: идут дипломатическая и юридическая борьба за расширение исключительных экономических зон, раздел арктического шельфа. Пространство –

⁴ «Транснациональные усилия по развитию и заселению Сибири способны стимулировать подлинное сближение между Европой и Россией... Благодаря масштабному европейскому присутствию Сибирь могла бы со временем превратиться в общеевразийское достояние...» (Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Междунар. отн-ния, 2005. – С. 139–140).

⁵ Экономика и организация промышленного производства. – 2004. – № 6, 7, 8, 12; 2005. – № 1, 2, 12.

ценнейший ресурс, сегодня или для будущего. Все дело в том, как эффективно использовать пространство.

Выше сделан вывод, что со стороны экономических факторов нет прямых угроз целостности России. Более того, успешное развитие экономики и повышение качества экономического пространства будут укреплять целостность. Могут ли другие факторы – политические, идеологические, этнокультурные, конфессиональные и др. перебить экономические преимущества целостности большой и разнородной страны?

Семь лет назад, когда внутривнутриполитическая ситуация в России была гораздо тревожнее, я давал оптимистический прогноз относительно взаимодействия разнонаправленных сил в российском обществе с точки зрения сохранения целостности страны⁶. С тех пор внутренняя ситуация улучшилась. Укрепилась вертикаль государственной власти, наиболее сильной политической партией является партия с символическим названием «Единая Россия», более системно выполняются требования Конституции Российской Федерации (в которой

⁶ «Вероятность одномоментного распада России ничтожна; аналогия с Белевской пущей для России не проходит. Действует еще немало политических, правовых, силовых, социальных и, наконец, общественно-нравственных сдерживающих факторов. Маловероятно и то, что распад единого государства как дискретный процесс может стать быстротекущим, по крайней мере, для ядра российского пространства. Вместе с тем вряд ли можно гарантировать неизменность государственных границ России. Незначительные изменения российской территории по периметру государственных границ могут быть разумным выходом из напряженной ситуации, а не только отступлением из-за собственной слабости. Сдерживает боязнь прецедента. Это относится в первую очередь к искусственным и отчасти случайным границам России с некоторыми республиками бывшего СССР. Перспектива сохранения целостности Российского государства – не только в силе или слабости государственных институтов. Государство – это же только надстройка. Будущее российской государственности во многом зависит от силы “чувства единого народа”. И если интересы региональных социумов становятся преобладающими и слабо связанными с интересами общероссийскими, то государственные институты целостность России не спасут. Демократическое государство не может быть более единым, чем сам народ, выбирающий государство для себя» (*Путь в XXI век: Стратегические проблемы и перспективы российской экономики.* – М.: Экономика, 1999. – С. 636).

отсутствует «сецессия», т.е. право одностороннего выхода из Федерации ее субъекта), сепаратистские движения маргинальны и разрознены, и, наконец, нет внешних угроз целостности страны.

Все это должно добавить уверенности при разработке долгосрочной стратегии модернизации российского экономического пространства.

* * *

При рассмотрении трансформационных тенденций и перспектив эволюции экономического пространства России мною была сделана попытка сформировать основные задачи стратегии пространственного (территориального) развития страны. Отделение общественных наук РАН продолжает и, надеюсь, будет продолжать реализовывать подпрограмму междисциплинарных фундаментальных исследований «Экономическое, социальное и политическое пространство России в глобализирующемся мире». Институты региональных отделений и научных центров РАН выполнили новые разработки стратегий социально-экономического развития Дальневосточного, Сибирского, Уральского, Северо-Западного макрорегионов и ряда субъектов Федерации. Совет по изучению производительных сил по заказу Минэкономразвития РФ продолжает научные обоснования прогнозов территориального развития страны и ее регионов на долгосрочную перспективу.

Какие продвижения идей стратегического видения происходят на правительственном уровне? Принято решение о подготовке концепции территориального развития страны. Эту работу возглавило Министерство регионального развития Российской Федерации. Работа над этим проектом продолжается, теперь он включает механизмы реализации стратегии развития страны и ее регионов.

Хочется верить, что процесс становления системы стратегического планирования будущего экономического пространства России и реализующей его государственной политики становится необратимым.